Мы в наше суетливое время как-то забываем, что наша литература рождалась в монастырях и кельях: у истоков древнерусской литературы стояли монахи и священники, именно они чаще всего становились авторами и переписчиками летописей, житий, вдохновенных, поэтических проповедей. Историзм и чёткая нравственная оценка деятельности князей, сильных мира сего, рядовых дружинников, иноков и митрополитов – традиции, идущие от древнерусской литературы, пронизывающие большинство значительных текстов русской литературы с XII по XXI столетие.

Один из первых профессиональных восточнославянских писателей белорусский иеромонах Симеон Полоцкий, учитель детей царя Алексея Михайловича, уже в середине ХУП века доказал возможность выражения при помощи виршей (в монументальных поэтических сборниках «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», в «Псалтыри рифмотворной», по которой учился «стихотворить» М. В. Ломоносов), проповедей (собранных в пространные сборники проповедей «Вечеря душевная» и «Обед душевный»), пьес великого многообразия богословских, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Именно иеромонах Симеон Полоцкий стал первым писателем, взявшим на себя роль советника царей, употребившим слово «тиран», стал первым российским литератором, позволившим себе поучать власть и российское общество. Вслед за ним явились другие учителя российской власти – А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. И. Солженицын.

В своих монументальных исследованиях «Соборность в русской литературе» и «Пасхальность в русской литературе» православный литературовед, профессор Литературного института И. А. Есаулов доказал: от не знакомого с христианским вероучением читателя ускользают многочисленные подтексты и скрытые важнейшие символы, а то и главные идеи, рассыпанные в произведениях отечественных писателей-классиков как Х1Х, так и ХХ столетия.

В годы советской власти, период государственно культивируемом атеизма писатели нередко зашифровывали в тексте важные для себя христианские символы. Так, Александр

Грин в таинственном образе «Бегущей по волнам» искусно спрятал образ Девы Марии. Гриновские персонажи часто размышляют об отношениях с Богом. Они любят поговорить о религии, об идеализме, о материи и духе. Герой новеллы «Гранька и его сын» «верил в Бога по-своему, то есть наряду с крестами, образами и колокольнями, видел ещё множество богов тёмных и светлых. Восход солнца занимал в его религиозном ощущении такое же место, как Иисус Христос, а лес, полный озёр, был воплощением дьявольского и божественного начала». Упоминается Христос и в рассказе «Канат». Герой рассказа «Отравленный остров» читает молитвы и отрывки из Библии. В тексте той же новеллы фигурирует «пожелтевший от старости заглавный лист Библии». Герой рассказа «Преступление отпавшего листа» (1918) больше всего боится умереть, «не узнав радости воскресения», «лишаясь радости воскресения мёртвой души». Грин пытается передать «острую печаль неверующего, которому перед смертью подносят к губам памятный с детства крест» (рассказ «Зурбаганский стрелок»). А в новелле «Дьявол Оранжевых вод» (1913) повествователь обсуждает отношения человека с Богом. На внезапное предложение помолиться, герой отвечает: «Вы, неверующий, – молитесь, можете разбить себе лоб. А я, верующий, не стану. Надо уважать Бога. Нельзя лезть к нему с видом побитой собаки лишь тогда, когда вас припёрло к стене. Это смахивает на племянника, вспоминающего о богатом дяде только потому, что племянничек подмахнул фальшивый вексель. Ему также, наверное, неприятно видеть своё создание отупевшим от страха. Отношения мои к этим вещам расходятся с вашими…». Для писателя-христианина очевидно: «…мир прекрасен. Всё на своём месте; всё божественно стройно и многозначительно в некоем таинственном смысле, который виден мне тридцать шестым зрением, но не укладывается в слова» (рассказ «Канат»).

Радует, когда писатель не только в творчестве, но и в своей деятельности последовательно отстаивает православные ценности. Альберт Лиханов, возглавив 33 года назад первый в СССР Советский детский фонд, учредивший орден Святого Благоверного царевича Димитрия «За дела милосердия», восстанавливает и бережно реставрирует домовый храм во имя великомученика Димитрия в усадьбе Тютчева в Армянском переулке, устанавливает памятную табличку о первом освящении митрополитом Филаретом, возобновляет в нём богослужения, а в своём родном городе Кирове дарит монументальные паникадило городскому храму во имя Иоанна Предтечи, спонсирует воссоздание в нём резного золочённого иконостаса.. Организовав при фонде издательство «Детство. Отрочество. Юность», опытный журналист, долгие годы возглавлявший журнал «Смена» писатель начинает выпускать детский православный журнал «Божий мир», выходящий с января 1997 года по благословению Святейшего. Задача журнала – православное воспитание и просвещение, в увлекательной форме журнал рассказывает о тысячелетней истории РПЦ, о нашем Отечестве – его духовной основе, культуре и искусстве. Материалы «Божьего мира» предназначены для использования на уроках «Основы православной культуры» в школах – воскресных и общеобразовательных, для чтения в семейном кругу.

В прозе Альберта Лиханова последних лет тема веры становится одной из центральных: в романе «Слётки» действуют два брата – Борис и Глеб, в несказке для невзрослых

«Мальчик, которому не больно» парализованного подростка излечивает священник. Непрост путь к вере героев писателя. Мася из романа «Сломанная кукла» в двенадцать лет впервые ставит свечку в храме, но спустя несколько месяцев, оказавшись в Лондоне, в драматическую минуту жизни чувствует потребность помолиться тайно от всех на коленях перед тумбочкой, на которую установила иконку Богородицы размером с открытку. Христианская позиция писателя проступала уже в названиях повестей «Голгофа», «Благие намерения», написанных в 1979–1980-х годах, когда атеизм оставался нормой для миллионов советских людей. Десятилетиями размышляя над причинами крупнейшего за все эпохи кризиса Детства в России и во всём мире, Альберт Лиханов приходит к мысли, что одна из глубинных причин этого – бездумный атеизм, неумение увидеть свою жизнь и жизнь своей семьи в масштабных координатах христианской культуры.

Альберт Лиханов принадлежит к тем писателям, кто мягко подводит ребёнка к христианским духовным ценностям. И здесь он не одинок: православным святым и подвижникам посвящены многие книги Владислава Бахревского, Валерия Воскобойникова. Ещё в советское время начал возрождать жанр православной сказки художник и писатель Георгий Юдин, автора исторического романа «Птица Сирин и Всадник на белом коне», сборника повестей «Муромское чудо», книги-путешествия «Сокровенная Каппадокия», первой исторической повести о Георгии Победоносце, о его удивительных подвигах и чудесах, о почитании Георгия на Руси, о государственных праздниках и наградах, связанных с его именем – «Смиренный воин». «Любимый святой России» – так озаглавил Г.Юдин последнюю главу своей книги, объясняющей читателям, почему именно «Георгиевский зал является для россиян пантеоном воинской славы, самопожертвования и геройства тех бесчисленных сынов Отечества, которые в грозные годины грудью вставали на защиту Родины. На мраморных лентах Георгиевского зала имена георгиевских кавалеров, среди которых – А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, Ф. Ф. Ушаков, П. С. Нахимов и др. Благоговейная торжественность зала создаёт впечатление присутствия покровителя воинов и неусыпного стража Отечества – духа Георгия Победоносца. Незримый сонм положивших «душу свою за други своя», за Родину, призывает и нынешнее поколение самоотверженно служить Отечеству».

Владимир Крупин, возглавлявший литературный журнал «Москва» и создавший в нём специальную православную рубрику «Домашняя церковь», преподававший педагогику в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, одну из своих книг назвал «Православная азбука»: он объясняет ребёнку, что в телевизоре водятся бесы и как с ними бороться.

Вселить в сердца школьников и учителей веру, надежду, любовь к Отечеству призваны серии, разработанные православной редакцией московского издательства «Росмэн», к сожалению, сегодня прекратившей своё существование. Но, убеждена, эти серии сыграли достойную роль в истории нашей детской литературы, перечислю их: «Святыни России», «Твоё святое имя», «Душа России», «Отчизны верные сыны», «Наши православные святые», выходящие с подзаголовком – «Для детей среднего школьного возраста, для семейного чтения». Георгий Юдин, Алексей Карпов, недавно ушедшая из жизни лауреат Госпре-

мии РФ Ирина Токмакова, Елена Григорьева, петербургский прозаик Валерий Воскобойников писали в этих сериях книги, призванные помочь школьнику и учителям сквозь призму истории православья взглянуть на историю Отечества. Отказ от такого взгляда в прежние годы заставлял советских детских писателей произвольно адаптировать и подправлять российскую историю, давая окарикатуренное изображение правителей огромной империи из династии Романовых (об этом несколько лет назад гневно писал московский детский писатель Лев Яковлев, обильно цитируя исторические повести Сергея Алексеева). А во всех советских детских книгах про великого Суворова замалчивалось, какое место в сознании полководца занимало православье. Лишь в изданиях последних лет стали полностью цитироваться его знаменитые слова: «Потомство моё прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом». Если сегодня в круг школьного чтения, вместо «Гарри Поттера», удастся ввести хотя бы некоторые из перечисленных книг, о патриотическом воспитании перестанут говорить в сослагательном наклонении.

Уже с начала 90-х годов прошлого века православные литераторы пытались объединиться – на Рождественских чтениях, инициированных поэтом, сотрудником издательского отдела Патриархии, ныне покойным членом Союза писателей России Валентином Никитиным. В Петербурге прозаик Николай Коняев, также уже ушедший из жизни, в это же время создал Ассоциацию православных писателей.

Никогда не расходилось слово с делом в жизни и творчестве писателя-помора Павла Кренёва, 21 год прожившего в том же Петербурге, внука православного священника, построившего в родной деревне Лопшеньга Архангельской области православный храм во имя святых Петра и Павла и отважно, несмотря на угрозы и непонимание новых собственников, возвращавшего Православной Церкви незаконно изъятые у неё в советское время строения – он в 90-е годы возглавлял Управление государственного имущества Московской области. Цитаты из Библии, названия православных праздников и икон выносит прозаик в заглавие повестей и рассказов: «И на земли мир…», «Поздней осенью, на Казанскую», «Нечаянная радость».

Любимые герои Павла Кренёва нередко начинают размышлять о Боге на пороге смерти, в пограничной ситуации: возвращаясь к нему после долгих блужданий как пожилой пулемётчик Силантий или открывая Его для себя как юная Аня Матвеева.

Издавна хранит веру в душе как самую большую ценность лишь бабушка Парасья из рассказа «Поздней осенью, на Казанскую», к которой ночью перед смертью приходит Николай Угодник: «Он стоял у неё в ногах, худенький, невысокий седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался». Смерть бескорыстной деревенской подвижницы бабушки Парасьи – смерть праведницы, на таких испокон веков держался крестьянский мир: «Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?».

Обращается к Богу в минуту смертельной опасности шестнадцатилетняя Аня Матвеева из повести Кренёва «Беляк и Пятнышко», забытая на льдине в зимний мороз взрослыми членами зверобойной бригады, в которой она – самая младшая. Наивно и трогательно звучит её исповедальный шёпот: «Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть ты или нет на белом свете. Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в тебя. Но в Тебя верит моя мама, а я ей доверяю больше всех на свете… Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю».

В повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» оставшийся в живых Силантий обнаруживает на груди у младшего погибшего напарника маленький серебряный крестик и решает похоронить его по-православному – сделать из молодой берёзы крест: «Русские люди, несмотря на угрозы и запреты, во все времена советской власти хоронили своих покойников по православному обычаю. Этому почему-то не противились даже коммунисты». Да и сам Силантий возвращается к Богу в последние часы своей жизни, перед героической гибелью, каясь за совершённые когда-то недостойные поступки: «…вспомнилось ему вдруг, как ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святые мощи яреньгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святые иконы…» Неумело молясь, Силантий чувствует перед неизбежной скорой гибелью надёжную опору и настоящую поддержку: «С ним остался только Тот, которого он когда-то позабыл, бросил, отрёкся от него. Силантий отчётливо осознавал, чувствовал всем своим телом, как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии Батагов Силантий Егорович. И осознание того, что он всё же не один в этом карельском лесу, что он не брошен, придало ему спокойствия и уверенности».

Решают для себя вопрос веры и герои исторической прозы Александра Кердана в его новом «Романе с фамилией». Воспитанный вне православной традиции, писатель никогда не забывал о прадедушке, строившем храмы в Курганской области. Может быть, именно поэтому полковник Кердан посвятил кандидатскую и докторскую диссертацию размышлению над проблемами офицерской чести и пониманием нравственности в разные эпохи, и герои его прозы, посвящённой советскому времени (роман «Караул» и др.), даже будучи неправославными и невоцерковлёнными, стараются поступать по-православному. «Ты из окна своей квартиры // Глядишь на облачный чертог // И веришь в гармоничность мира, // В котором так талантлив Бог,» – утверждал ещё двадцать лет назад лирический герой поэта в стихотворении «Какие чудные пейзажи..». Возвращение к вере отцов – единственный отрадное явление в современной реальности, дарующее надежду на будущее, с точки зрения офицера Александра Кердана, болезненно переживающего резкое изменение на карте очертаний родной страны, которую поэт-воин призван был более четверти века охранять: «Прорастает церквями Россия, // Словно порослью бывшая гарь… // Значит, всё

перетерпим, как прежде.// Корни – в прахе, в крестах – купола… // Новый век прорастает надеждой, // Там, где горькая память была» (1998).

В историческом романе «Береге отдаленном…» Александр Кердан, как и священник Ярослав Шипов, предлагает читателям иной взгляд на события 14 декабря 1825 года и государя императора Николая Первого, убеждённого – «русским людям не нужны все эти конституции и парламенты, а нужен заботливый Государь и своя вера. Они одни и могут сделать народ счастливым!». Писатель разрушает красивый миф, десятилетиями изучавшийся в советской школе, и справедливость его исторических домыслов подтверждают многие из недавно опубликованных в России мемуаров и документов. В эпилоге романа автор упоминает записки Дмитрия Завалишина, который «…войдёт в историю как последний «декабрист», увидевшие свет только за рубежом. Прочитав их, дальний родственник Завалишина и Толстого-Американца – Лев Николаевич Толстой откажется от своей затеи написать роман о деятелях двадцать пятого года: очень неприглядными покажутся они знаменитому писателю». В романе «Берег отдаленный» Дмитрий Завалишин обращается к потомкам со словом правды о происшедшем 14 декабря: «Правила, которыми руководствовались главные деятели тайного общества, были личные цели на первом плане, совершеннейший хаос в понятиях, непонятное легкомыслие людей, взявшихся за важное дело, отсутствие какой-либо подготовки к нему, какого-либо понятия о необходимости её для успеха, каких-либо соображений о последствиях. Все предпринималось наобум, все предоставлялось случайности. Четырнадцатого декабря действовали внешние обстоятельства, независящие от деятелей, которые, напротив, только портили все, что само давалось в руки. За дело исправления зла взялись люди фраз, а не дела…» Весьма похожую картину событий на Сенатской площади рисует и великий князь Александр Михайлович в мемуарах, основанных на свидетельствах очевидцев, с которыми ему довелось беседовать: «…их (декабристов – Л. З.) план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не была ли «Конституция» именем польки, супруги великого князя Константина Павловича». Эту не придуманную деталь, выразительно демонстрирующую, какая пропасть отделяла сотню мечтателей-офицеров, свободно и красиво рассуждавших на нескольких иностранных языках, от миллионов не владеющих элементарной грамотой простых людей, ставивших вместо подписи крест, не мог не использовать в романе уральский писатель: «В памяти у Завалишина на всю жизнь остался случайно подслушанный разговор ямщика и денщика-матроса: «…А скажи, мил человек, кто государь-от обижанной? Как величать-то его?» «– Ну, конечно же, Константин Павлович, бывший цесаревичем… Ему «ура» у монумента кричали, его до обиды допущать никак было нельзя… Он – заступник народный! А ещё кричали «ура» Конституции…» «– А это кто ж такая?» «– Эх, ты –

деревня! Ясно кто – супруга государева… Он её из самой Варшавы привезти обещался…» «– Послушай, братец, – не удержавшись, вмешался Завалишин, – конституция – вовсе не имя, это слово совсем другое означает!» « – Что вы, ваша высокоблагородие, мне надысь в кабаке рассказывал один важный господин, что Конституция – должно быть, точно это и есть государева супруга! Иначе для чего бы люди из-за неё на смерть пошли…»

Всё чаще наши современники словно проверяют день сегодняшний историческими сюжетами, объединяя в рамках одного произведения два исторических пласта, сопоставляя наше противоречивое сегодня с событиями давно минувших эпох. В новом романе Дмитрия Лиханова «Звезда и крест» также действие разворачивается сразу в двух временах, но движутся главные его герои в одном направлении – к принятию монашества и к жертвенному служению Господу. Автор сопрягает два исторических пласта: действие стремительно разворачивается в 80-е и 90-е годы прошлого века в Шадринске (Курганская область), в Афганистане и в Москве, и параллельно – в середине 3 столетия нашей эры в античной Антиохии и на горе Олимп. Эпиграфами к главам, посвящённым превращению главного героя романа юного Киприана из жреца Аполлона в ревностного христианина, стали кондаки и икосы – жанры церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, с похвалой святому мученику.

…Ещё в 20-е годы прошлого века философ Семён Франк в работе «Духовные основы общества» писал: сочетание духовного безверия с шаткостью и бурностью стихийного исторического движения образует характерное трагическое своеобразие эпохи – при безверии история должна остановиться, ибо она творится верой; потерявшие способность творить историю люди находятся во власти её мятежных сил; мутные яростные потоки стихийных страстей несут людскую жизнь к неведомой цели: попавшие во власть не просветлённого мыслью хаоса стихийных исторических сил гибнут: самая многосведующая из всех эпох приходит к сознанию полного бессилия, неведения и беспомощности.

Конечно, нельзя ограниваться только перечисленными мною прозаиками. Среди членов Ассоциации писателей Урала немало зрелых мастеров, которые сердечно и глубоко пишут о своём пути к вере, им не грозит дешёвое искушение экскурсионным православием, в которое нередко впадают неофиты. Добавлю к уже названным ещё несколько имён: это уральские и сибирские поэты и прозаики Дмитрий Мизгулин из Ханты-Мансийска, Светлана Сырнева и Виктор Бакин из Кирова, Сергей Козлов и Леонид Иванов из Тюмени, Валентина Ерофеева-Тверская и Татьяна Четверикова из Омска, Андрей Расторгуев и Арсен Титов из Екатеринбурга, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара. Каждый из них в меру своего таланта убедительно отстаивает и утверждает в своих книгах истинность и плодотворность христианского мироощущения, столь необходимого сегодня нашему гибнущему миру.

Закончить же я хочу строками из стихотворения замечательной омской поэтессы Валентины Ерофеевой-Тверской:

Очнитесь, православные,
Неужто поослабли мы.

Церквей не слышим звон?!
С разором дружно справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лён с пшеницею…
И русские традиции,
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист-лазорев цвет.
Умывшись ранней зорькою,
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!